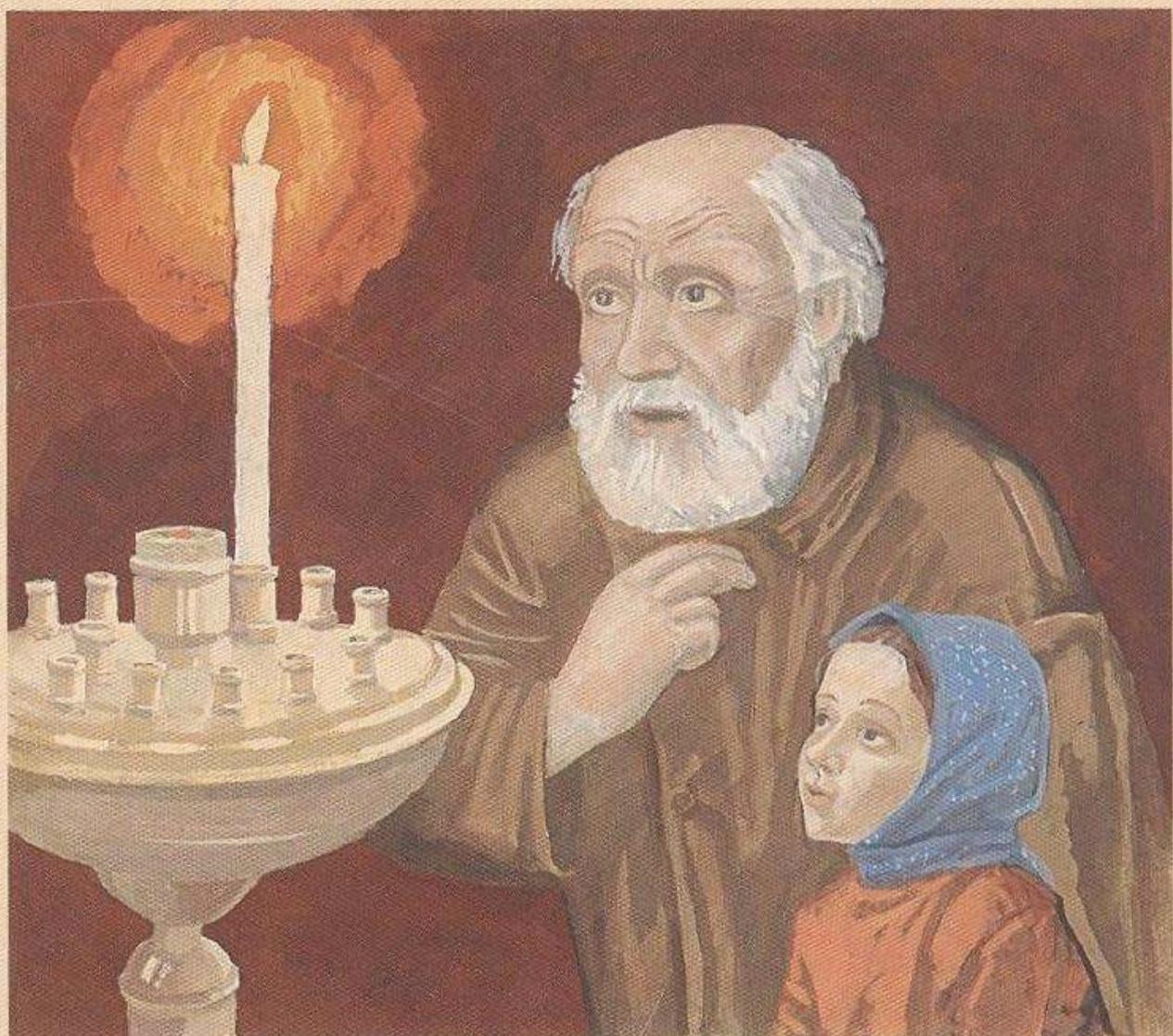


ПРАВОСЛАВНАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

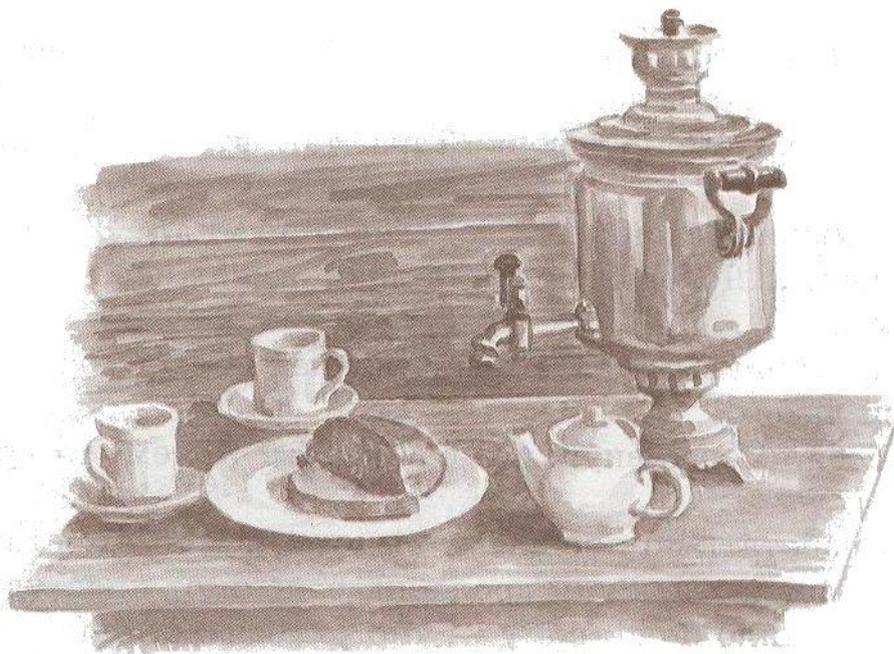


А. В. Круглов

# ЧУДЕСНАЯ СВЕЧА

**А.В. Круглов**

**Чудесная свеча**



Тарас был старик лет шестидесяти. Он когда-то славился как искусный токарь, получал хорошее жалованье и жил безбедно своим домком. Но то было давно. Умерла у Тараса жена, сгорел дом, сын погиб на войне, осталась у Тараса на руках только внучка от сына, жена которого скоро вышла снова замуж. Отчим был человек злой, пьющий и невзлюбил девочку.

Жалко стало Тарасу сиротку.

— Как никак — а своя кровь, сыновья дочь, — говорил старик.

Он взял маленькую Наташу к себе.

— Не объест, прокормлю, с ней-то мне еще поваднее, — все же человек...

И привязался к девочке Тарас так, что сам признавался:

— Умри девчонка — свет станет не мил... Жить не для чего... Дорог был сын, а внучка, кажись, его дороже...

Со стариками так бывает: внучат больше родных детей любят.

Любил Тарас внучку и баловал ее то тем, то другим.

А работать по-прежнему он уже не мог. Не стало силы, ловкости. Руки дрожали, болели от простуды. Не выходило по старому — чисто. Бывало, если надо поручить лучшую работу, дорогой заказ, — сейчас хозяин к Тарасу:

— Ну, друг любезный, постарайся, — никому не сравняться с тобою.

А теперь не то. Не прежнее обращение хозяина, не прежняя и плата, потому что дают Тарасу работу попроще.

— Где тебе! Глаза плохо видят, руки — крюки...

И непременно вспоминают случай, когда Тарас испортил губернаторскую работу.

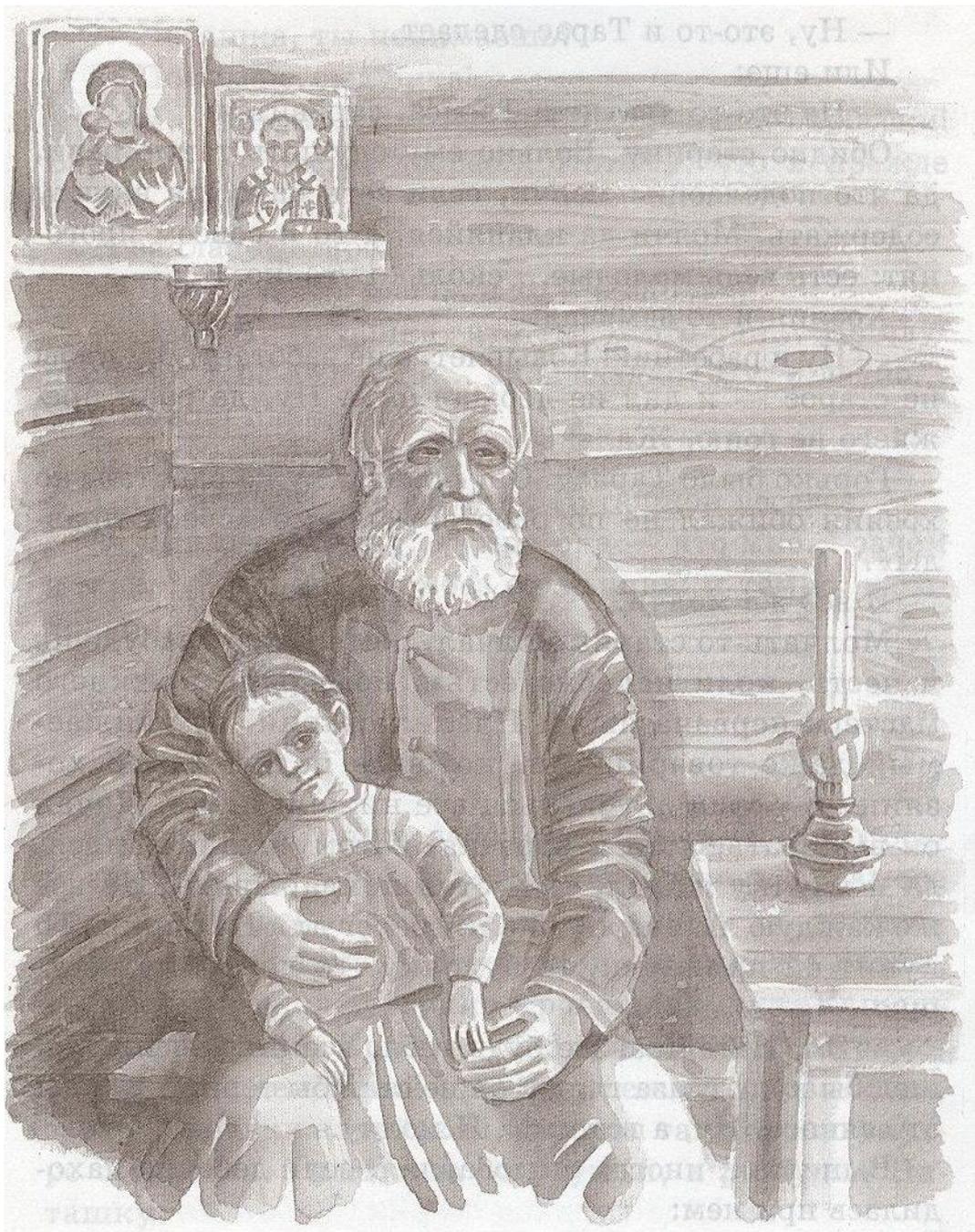
С того случая и пошло умаление Тараса. Рассердился хозяин, раскричался, да и понизил работника.

— Видно, прошло твое время. Был мастер-первач — и не стало его...

Стали говорить:

- Ну, это-то и Тарас сделает. Или еще:

- На это-то хватит и Тараса, справится. Обидно старику. Больно ему слушать такие речи, да что поделаешь: молчи, если есть надо, да внучку содержать. Молчи да кланяйся, а то и совсем прогонят: есть ведь молодые... сколько угодно. Хозяин и то замечал:



— Ну и работник! Ковыряет, а не работает. Эх, кабы не старое — и дня не держал бы... Ну, да ради прежнего не гоню. Жаль!

Горько было Тарасу. Он, правда, хуже работал, но хозяин обижал не по работе, а прямо «сверх правды».

И все же молчи.

Молчать-то старик молчал, помня, что «забудешь и честь, коли надобно есть», но сердце прежнего мастера-первача ныло. Плакал старик, и, унижаемый даже товарищами, которые поддакивали хозяину, — стал опускаться все ниже и ниже. Начал он выпивать, хотя и изредка, потому что стыдился, да и внучку жалел, — и стал похварывать. Но все же каждую лишнюю копейку берег для Наташки. То купит ей пряничек, то булочку, то ленточку пеструю.

— Эх, Наташка! Не будь тебя, все бы бросил, пошел бы куда глаза глядят, а не стал бы терпеть обиды от всякого. Ну, а вот ты... И молчу.

Выпивши, иногда он добавлял, если девочка находилась при нем:

- Наташка, ты понимаешь?

- Понимаю, дедушка!

- И понимай!.. Вот какие они, — хуже Барбоски! Барбоска — пес, а добрее... Потому, что я прежде был?.. а они как?

И заплачет старик.

- Дедушка, не плачь, а то и я заплачу.

- Что ты, Наташка, что ты! Я это так... Не слушай! Вот тебе леденчик... ешь! сладко? Ну, и ладно... Как можно плакать!

И уже смеется старик.

Горька жизнь, но все же с Наташкой веселее.

— Для нее я живу... умри она — что мне... зачем и жить?..  
Без нее, что без солнышка: и темно, и холодно.



И вдруг Наташка заболела. Случилось это осенью. Стоял холодный дождливый вечер. С самого утра в этот день «незаладило» Тарасу. «К дождю» у него ныла спина. С трудом он поднялся с лавки, на которой спал, уступив кровать внучке. Кашель душил старика. Кряхтя, он оделся, наставил самоваришко, уцелевший еще от прежнего хозяйства, заварил травки китайской, которая так хорошо «нутро согревала», помогала от удушья, и разбудил Наташку.

Сам он пил чай с хлебом, а внучке покупал белого ситника. На этот раз не было ситника. Обращался старик к хозяйке, у которой нанимал полутемную комнатку, но Агафья встала нынче «с левой ноги» и не дала Тарасу даже трех копеек. Еще «попрошайкой — нищим» обругала.

- Ну, это ты не моги! — остановил ее Тарас. — Я беден, а не попрошайка... Человек ремесленный... трудом живу. Прошу не милостыню... а займы... Отдам!

- На том свете... угольками, — огрызнулась баба.

Тарасу было горько и обидно: трех копеек пожалела дать дитяти, прежде он сам и больше давал, да и не займы, а так... Ну и люди!

Невкусен показался чай старику, сквозь слезы допил он кружку и пошел на работу.

- Дедушка, а ввечеру-то принесешь беленького? — спросила девочка, провожая старика.

- Принесу, Наташка, принесу!

А сам подумал: «Уж выпрошу у Силантия, а куплю. Ведь на этой неделе расчет, — отдам!»

Хозяин был не в духе. Он сурово посмотрел на Тараса и, усмехнувшись, промолвил:

- И клячей же ты стал, Тарас, право! Точно наш тряпичник, — вот который кости и тряпье собирает. Опустился ты... да-а!..

Это было сказано не тоном сожаления, а ехидно и злобно.

Закипело на сердце у Тараса, захотелось ему оборвать хозяина, да смолчал старик, — боялся начать:

«А ну как да лишнее скажешь — и не даст Силантий вперед?»

Тарас принялся за работу. Но не задался день старику. Соскочил как-то инструмент, продырявил дно бочонка, которое точил старик, и окровавил руку ему.

Слезы подступили к горлу Тараса. Все пропало. Еще хорошо, если хозяин вычета не сделает. Ну, а «касательно денег — лучше и не заикаться».

К обеду пришел хороший заказчик. Повеселел хозяин, подбробнее стал. Узнав о «порче материала» и увидев завязанную руку у старика, Силантий только промолвил пренебрежительно:

Тряпичник и есть. На что ты гож?

- Со всяким случается, — не утерпев, ответил Тарас. — И прежде...

- Ну, ты прежде-то оставь, — оборвал хозяин, — а вот ноне ты...

Он не договорил и махнул рукою. И то хорошо, что вычета не сделал.

А все-таки просить денег Тарас не решился.

Совсем убитый возвращался он домой. Скорбные мысли тяготили его. «Эх, жизнь, жизнь! Хоть и умирать, так не жалко... Да вот Наташка...»

И вспомнил он ее слова: «Ввечеру-то принесешь беленького?»

А где взять на беленький?

Вечер стоял непогодный. Лил дождь. Ветер выл сердито. Ходуном ходила река в крутых берегах. На мосту у Тараса ветер чуть шапку не сорвал.

Еле дыша, доплелся старик до дома, и только что отворил калитку, как слова: «Наташка помирает» — ошеломили его.

Ноги подкосились у Тараса, и в глазах потемнело.

- Как помирает? Что с ней?

Но сынишка Агафьи только и добавил:

- Совсем помирает... Горит, — мамка сказала.

Наташка лежала на кровати и не узнала деда, когда он подошел к ней и ласково ее позвал. Девочка пылала, что-то говорила бессвязно и куда-то все хотела бежать, но не могла подняться. Старик разобрал слова: «по грибы... водички... хочу беленького». Растерялся он и не знал, что делать.

Явилась Агафья и накинулась на него:

- Ты чего это рот-то разинул. Видишь, что с девчонкой. Иди да зови Маланью, умеет она. И то поздно, пойдет ли еще. Не я ж побегу, мне что... Хоть умирай — все равно, твоя внучка-то.

- Лекаря бы надо...

- Еще что! Барин какой: лекаря! Много денег припас, что ли? И что лекарь! Маланья скорее всякого лекаря поднимет. Иди, иди!

Агафья была баба грубая, хоть кого обругает ни за что, ни про что. Но она все же была не зверь и «Бога помнила», как сама говорила. Обозлясь, она отказала Тарасу в трех копейках, наговорила ему и теперь много «соленого», а девчонку пожалела. Еще до прихода старика она ее поила крещенской водой, огурцы к ногам клала.

Сбегала бы, пожалуй, и за Маланьей, да пришла кума, чем-то обидела Агафью, и пошла меж ними такая «война», что забыла на время Агафья и про Наташку. А когда ушла кума, сердце у Агафьи расходилось, и на весь мир она «смотреть не хотела». «Стоит жить! — рассуждала она. — Ну, умрет Наташка... Слава Богу! Лучше умереть в такие годы, чем маяться, что сладкого-то в жизни?»

А тут опять ей стало жалко девчонку, и, когда вернулся Тарас, она погнала его за лекаркой, а сама намесила глины с водой, положила ее на тряпку и привязала к ногам девчонки. «Видать, что огневица. Пусть оттянет. Ну, а Маланья придет — та уже знает, что сделать».



Маланья была искусная лекарка. Знала она разные травы, лечила лихорадку настоями, желтуху отварами; жабу Маланья лечила припарками и все оставались довольны. Во всем околотке пользовалась старуха славою.

Маланья принялась за лечение Наташки. Сперва девочке стало лучше, а тут вдруг «болезнь внутрь вошла», по словам Маланьи, и как старательно она не выгоняла болезни, не помогали ни отвары, ни настои.

Маланья сокрушенно качала головою и говорила:

- Внутрь далеко угнана хворь...

Тарас ничего не слышал, ничего не видел. Он шел на далекую улицу, где была древняя часовня, а в ней чудотворный образ Николая Чудотворца, этого милостивого заступника и печальника за людей.

Шел Тарас и думал сокрушенно: «За грехи мои это все, за грехи... Совсем я Бога забыл. Сколько лет в церкви не был, словно нехристь какой. В будни работаешь, а в праздники отдыхаешь. Еще мальчонкой я в этой часовне молился, а тут и забыл совсем. Заболела девчонка — вместо того, чтобы к Богу, к Угоднику-Милостивцу, я к Маланье... А что Маланья? Мне бы к Богу! Все от Него. Как я болел, думали, помру, а матушка в часовне Николаю Угоднику помолилась, и поднял он меня, Заступник! И это я забыл, все забыл».

Тарас перекрестился и заковылял дальше.

«Да, да, — размышлял он, — все от Бога. И Николай великий Угодник. Он может умолить. К нему... Он — милостивый, не покарает, а простит. Поставлю я ему свечу

рублевую. Он поднимет Наташку. Трудно скопить столько, сразу и думать нечего, да ведь он — угодник-милостивец — потерпит. Знает, как это мне трудно. А я покоплю».

Дождь лил, ветер насквозь пронизывал ветхую одежку Тараса, а он ковылял, подпираясь батошкой. На душе старика стало как-то спокойнее.

Велика сила Угодника, и крепко верил ему старик, вспомнивший святого Печальника и теперь его милосердию поручавший больную внучку.





Никто из жителей околотка точно не знал — когда и по какому случаю выстроена часовня. Говорили, что часовне более ста лет, что ее поправляли после большого пожара, который был лет сорок тому назад. Целый квартал выгорел, все дома, окружавшие часовню, были уничтожены пожаром, а маленькая часовня уцелела, только чуть-чуть обгорела крыша. Народ говорил:

— Николай Угодник оберег свою часовенку. Тут он явился, Батюшка, значит это место ему любо.

Молва народная утверждала, что икона Святителя явилась на сосне, а нашел икону мальчик пастух, заметивший необычайный свет. Молва же уверяла, что потом пастух ушел в монастырь и сделался суровым подвижником. Он-де и часовню устроил.

А по другой легенде часовня выстроена каким-то богатым купцом, который был болен и получил исцеление по своей молитве от Николая Угодника. В благодарность купец заказал икону Святителя лучшему в городе художнику и поставил ее в часовне. Кто прав — неизвестно, все было давно, а документов никаких не сохранилось от того времени. Священник церкви, которой принадлежала часовня, на все вопросы отвечал:

— Господь Один ведает истину. Документально ни одно сообщение не подтверждается. Да и что допытываться: разве не все равно, кто строил и как явился образ Угодника. Тщетно все сие. Наипаче важнее то, что явлена не единожды благодатная милость великого Угодника: молившиеся пред его иконою в сей часовне вскоре же

получали просимое. Исцелений немало было, это не подлежит сомнению.

Да, это было истиною, которую никто не оспаривал, ибо чудеса совершались и в прежнее, и в недавнее время. В часовню приходили не только горожане, но и крестьяне из соседних деревень. А в дни памяти Угодника — шестого декабря и девятого мая — молебны совершались при громадном стечении народа. В эти дни приезжали из далеких селений, привозили больных. В обыкновенное время часовня с утра до сумерок стояла открытою. Свечей никто не продавал — они лежали на столике и желающие поставить свечу брали ее, опуская деньги в кружку. Не было еще случая, чтобы свечу взяли даром; никто не дерзал и посягнуть на это. Рассказывали только, будто бы какой-то проходящий босяк покусился попользоваться «деньгами Святого», но пораженный его гневным взором, упал на колени и долго молился. Так его застал священник, и босяк покаялся во всем...

Прежде, раз в неделю, по четвергам, в часовне совершались молебны. Но это было раньше, в далекое время. А потом они стали совершаться только дважды в год — в «Николины дни». Впрочем, изредка,

по особой просьбе, священник приезжал для служения молебна по заказу. От приписанной церкви часовня отстояла далеко, и приглашение священника для молебна было сопряжено с немалыми хлопотами.

Икона Угодника была замечательного письма.

Лик Святителя останавливал внимание всех своим чудным выражением, чувствовалась какая-то сила, всех покоряющая. Каждого охватывал невольный трепет, и в то же время на сердце делалось легко и отрадно.

Кто-то сказал:

- Не ремесленник-писец писал образ, а художник с искрой в душе, благочестиво настроенный. Его мысль, его вера осталась жить в красках.

А священник замечал:

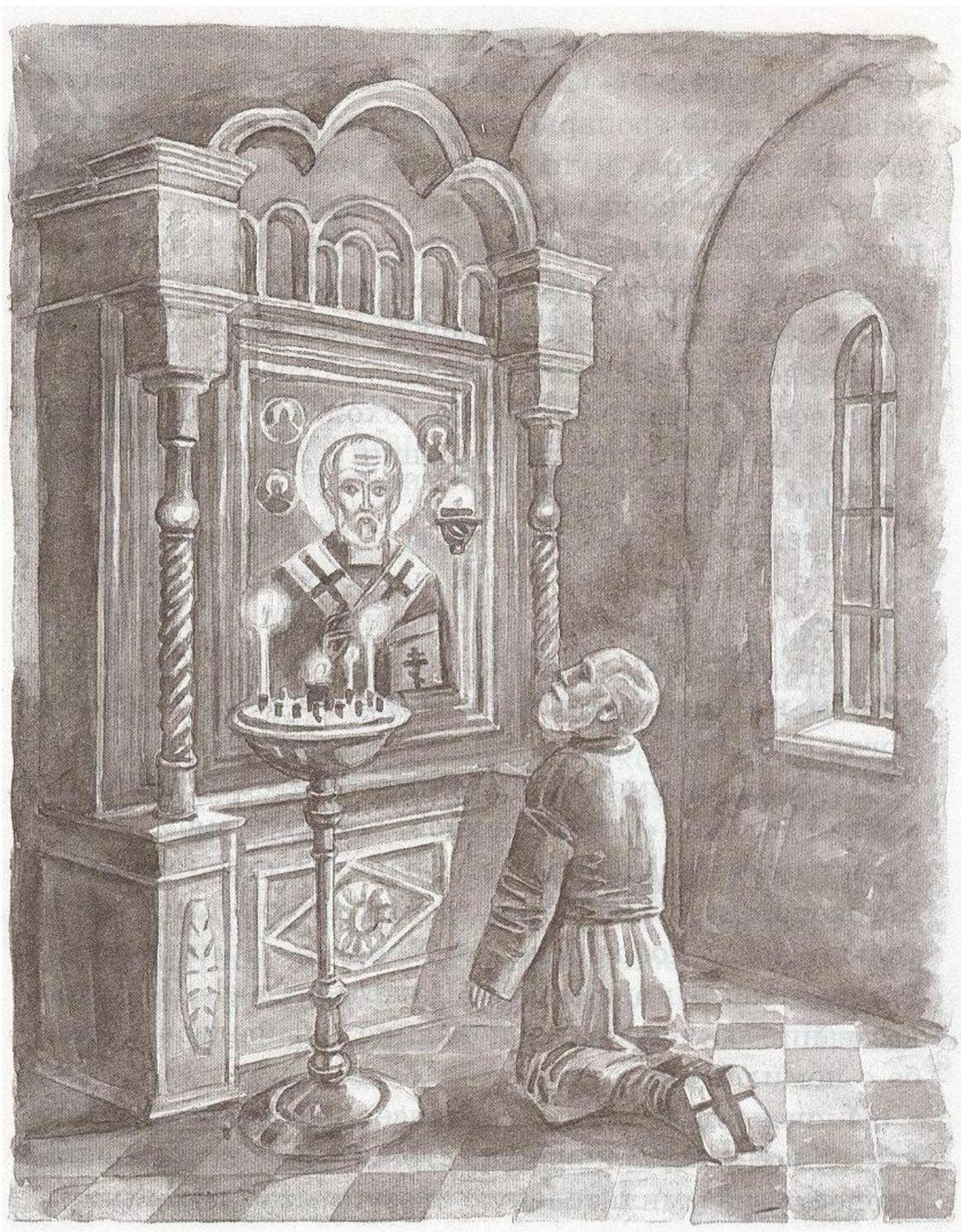
- Благодать на иконе нарочитая почиет, посему и действие такое.



В часовне никого не было.

Поставленные три свечи на подсвечнике уже догорали. Слабый огонек лампадки, мерцая, тускло озарял лик Святителя. В низкой часовне царил полумрак.

Тарас опустился на колени перед образом и начал было читать тропарь: «Правило веры и образ кротости...» Но память изменила ему. «Правило веры и образ кротости...» — повторил старик — и не мог вспомнить дальше. Промелькнули в уме еще слова — «нищетою богатая» — и только. Да если бы Тарас и вспомнил весь тропарь, едва ли он мог бы молиться словами тропаря. Душа старика вся была потрясена горем, полна скорбью, не было в ней того молитвенного спокойствия, при котором только и можно читать уже составленную раньше молитву. В том душевном состоянии, какое переживал Тарас, человек обыкновенно молится по-своему, своею молитвою, чаще всего бессвязною, более похожею на «восклик» к Богу, на стон души, взывающий о помощи к Тому, Кто Один может спасти.



Вошедший в храм мытарь встал у дверей храма и, возведя очи к небу, лишь повторял сокрушенно: «Боже, милостив буди мне грешному!» Только эта краткая молитва и слетала с его

уст. Но она была стоном кающейся души, взывавшей к милосердию Бога.

И больной, умолявший Спасителя об исцелении, взывал только: «Сыне Давидов, помилуй мя!»

А разбойник на кресте? Он не просил Распятого Богочеловека о прощении грехов, не каялся даже, а только сказал, обращаясь ко Христу: «Помяни меня, Господи, когда приидеши во Царствие Твое!» Но в этом воззвании заключалось и покаяние, слышалась и мольба о помиловании.

И у всякого в минуты потрясений по-своему выливается молитва, похожая на стон, на радостную благодарность, на умиленную слезу.

Тарас не мог вспомнить всех слов тропаря, да и не мог читать; склонясь лицом на холодный пол, старик лишь только шептал: «Батюшка, Угодник Никола, спаси Наташку! Милостивец, умоли Христа, подними ее, прости меня, грешного! Свечу поставлю, в рубль, в рубль поставлю! Исцели Наташку!»

И слезы бежали по его морщинистому лицу. И эти слезы, вместе с обрывочными фразами, облегчали душу старика. Его шепот перешел в громкий говор, в восклицания, которые разрешились рыданием. Теперь уже старик ничего не говорил, а только крестился, шевелил губами, устремив умоляющий взор на лик Угодника. Слезы ручьем бежали по лицу и щекам, но Тарас не утирал, даже и не замечал их. Душевное состояние достигло того высшего напряжения, когда все окружающее перестало существовать; осталось в сознании одно то, о чем молилась душа, болело сердце.

Старик весь впился взором в икону, точно ждал, что вот-вот Святитель подаст ему какой-нибудь знак, ответит что-нибудь.

Ничего этого не произошло, но изболевшая, вся проникнутая верой в Угодника душа Тараса почуяла ответ Святого, ощутила его благостное участие в горе и получила уверение, что молитва услышана, что «Милостивец-Батюшка, Никола Угодник, спасет Наташку».

Тарас облегченно вздохнул, медленно поднялся с пола, подошел к иконе и прильнул устами к ней, как к живому Святителю.

И что-то необыкновенно отрадное проникло в сердце старика в этот миг, — то чувство охватило его, которому нет названия на языке человеческом, которое испытывают только верующие люди в такие вот знаменательные минуты жизни. Это было ощущением общения с великим Угодником, который, пребывая духом на небе со Христом, поживая телом в одном граде, со всеми пребывает, всем помогает, на мольбы всех отзывается и творит чудеса. Идя в часовню, Тарас еще был одинок, полон если не отчаяния, то ужасного горя, которое давило его своею безмерною тяжестью. В душе было темно, а впереди — «умри Наташка — что солнышка не станет».

И вот вдруг все изменилось. Он уже не чувствует себя одиноким. С ним Милостивец Никола, и не беспомощен он, если обещана помощь Угодника. Да, обещана, это Тарас почувствовал душою, а потому-то из нее исчезла тьма и спала с нее тяжесть.

Старик прошептал еще: «Батюшка!» и, перекрестясь, медленно, благоговейно вышел из часовни. На крылечке ему встретился сторож, который шел запирать часовню.

- А, Тарас, здорово! Ты что?

- Наташка больна дюже.

- А-а!.. Экий грех. Так молиться заходил, ну, что же, Угодник Никола помилует.

Это уже стало уверенностью Тараса. Его душа получила ответ от «Милостивца-Батюшки».



Не постыдил Угодник веры Тараса. Внял мольбе старика, услышал стоны его сердца и явился добрым врачом для страдающей девочки.

Не прошло и трех дней, как Наташка стала заметно поправляться. Лихоманка оставила девочку. Явился аппетит, мало-помалу зарумянились щечки, в потухавших глазах показалась жизнь.

- Э-э, Тарас: да твоя Наташка отходит, выберется. Уж вот-то я не чаяла, — сказала Маланья.

- Да и я не чаял. Все Угодник-Батюшка! Его заступленьем...

- И заплакал старик. Крестится и плачет.

- Да-а, — промолвила Маланья, — Никола-Милостивец, коли он заступился, что твои и лекаря, никого не надоть. Молебен отслужи ему.

- Я свечу обещал поставить. В рубль.

- О-о! Вот как! Гляди — соблюди слово. А то грех.

- Как можно обмануть Угодника! Не нехристь я, беспременно поставлю. Только подкоплю. Сразу где же...

- Он потерпит. Не то, что мы, грешные. Ну, дай Бог, чтоб скорей направилась совсем твоя внучка.

- Спасибо, Маланьюшка. А насчет, значит... тово... за труды твои... ты — не сумлевайся, я вот получу...

- Полно тебе! — перебила знахарка. — За что мне? Я и не помогла. Ты вот копи на свечу Угоднику... Он лекарем-то явился, Батюшка. Его и благодари.

- И ты трудилась.

- Что я? Какие мои труды? Не хлопочи, есть побогаче тебя, с тех и возьму. Ведь я, чай, тоже крещеная. Буду с тебя брать! Ты вот еще, Наташку побереги, кусочек ей какой получше. С нездоровья-то ей это надоть.

- Ну, оставаться с Богом вам! Зайду к Агафье, чайку попить звала.

Тарас проводил знахарку и, затворяя за нею дверь, проговорил:

- Вот какая она, Маланья. Узнай человека! И Агафья тоже: ругается, а есть жалость.

Он обратился к внучке:

- Чайку хочешь, Наташка?

- Хочу, дедушка. С молочком?

- Ладно, сейчас вот у Агафьи кипяточку спрошу, попьем чайку.

Сидя за чаем, старик нежно посматривал на девочку и что-то шептал про себя.

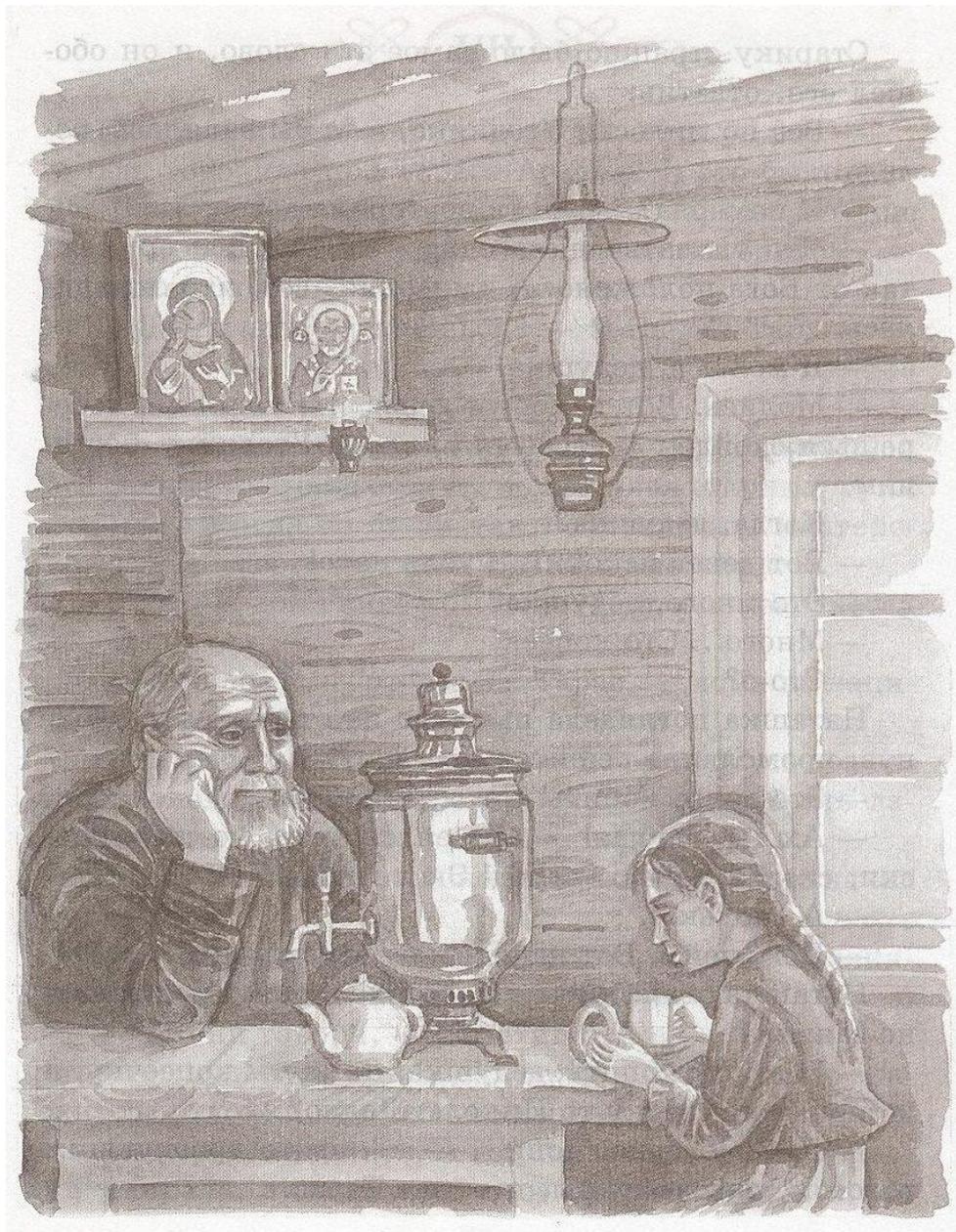
- Дедушка, что ты все шепчешь? — спросила внучка с улыбкой.

- Ничего, Наташка, я так, пей! Но минуту спустя он добавил:

- А ты молись Николаю Угоднику. Он тебя поднял.

- А то бы я померла?

- Ну!..



Старику страшно было самое это слово, и он обошел его, ответив:

- Все по милости Угодника, а то бы валялась, болела...

- И померла? — опять повторила девочка.

- Что ты затвердила одно и то же! Все помрем, так от Бога положено. А ты молись вот, что оправилась.

- Я молюсь, дедушка.

- Молись. Вот накопим денег, ты с силами соберешься, пойдем в часовенку, свечу Угоднику поставим.

- Когда, дедушка?

- Вот денег накопим. Рубль надо!

- Это много, дедушка?

- Много... Сто копеек.

- Сто-о?

- Наташка поглядела пытливо на старика и, вздохнув, промолвила решительно:

- Это долго копить. С год, дедушка!

- Ах ты, глупая! — засмеялся тихо, по-стариковски, сказал Тарас. — Год! Экхватила!

- А сколько?

- Пей, пей... Вот накопим — и увидишь!

Наташка отхлебнула с блюдечка и опять решительно заявила:

- И я буду копить, дедушка. Дашь ты копеечку, я и спрячу на свечку-то Николе. Ладно?

- Ладно, ладно, копи... — каким-то дрогнувшим голосом, сквозь слезы, ответил Тарас.



«Сломался наш старик».

Так говорила про Тараса Агафья. И это было верно. Болезнь внучки совсем сломила Тараса. Он еще более сгорбился, потемнел и ходил «труп трупом» — по словам хозяина-токаря.

- Да ты еще таскаешься? — встретил Тараса хозяин.

- Хожу, пока ноги носят.

- Хозяин хотел было сказать: «Да зачем? Работа твоя все равно ничего не стоит», но пожалел старика, руки которого когда-то были так полезны для мастерской, — и вместо жесткой фразы промолвил:

- Ты уж дома сидел бы пока. Пусть поправляется девчонка.

- Чего дома, — отозвался Тарас, — дома не капиталы. Надо работать.

И он работал, «ковырял» — по меткому выражению молодого подмастерья, — но не хотел брать даром денег.

Но вот Наташка стала поправляться, и Тарас начал «отходить».

Мало-помалу все вошло в колею. Только хозяин-токарь стал относиться к Тарасу мягче.

- Что ни говори, — заметил он как-то жене, — а старые люди куда нынешних лучше. Нонешнему скажи: ты отдохни, я с тебя не вычту, так он тебе готов

с месяц прохладяться. А вот Тарас едва бродит, внучка умирала, а он — знай свое правит, пущай и вся работа его — ковырянье, да не хочет даром хлеб есть. Это человек, совесть есть.

Наташка серьезно отнеслась к сбережению денег на свечку и уже отложила четыре копейки, которые осматривала чуть не каждый день, словно боясь, что они пропадут.

Если бы у Тараса не было долгов да не забрал он вперед у хозяина, то рубль на свечу старик скопил бы скоро. Но долги надо было платить: «люди грешные», по справедливому слову Маланьи, менее терпеливы, чем праведные. Тарас все-таки откладывал с каждой получки и ежедневно, молясь Богу, просил «Николу-Батюшку потерпеть на нем, грешном, долг обетный».

Старик ждал с тревогой того радостного дня, когда можно будет выполнить обещание. Отложенных денег он не трогал, но две получки подряд пришлось пропустить, потому что изорвалась одежонка и сапоги совсем служить отказались.

Но вот настал и счастливый миг для Тараса, душа которого вся изболелась и истомилась. Пришел старик домой, и, еще не снимая пальтишка, объявил внучке:

- Ну, Наташка, молись Богу. Завтра идем в часовенку свечу ставить Николе Угоднику. Целы у тебя деньги-то?

Наташка смутилась.

- Что же ты, али извела?

- Одну копеечку, дедушка, семечек купила, а три живы. Я сейчас!

- Ну, ладно, и без твоих обойдемся. Скопил я, а ты свои — в кружку положи, все равно. А я на свечу скопил. Завтра идем. Слава Тебе, Господи!

Тарас перекрестился и стал раздеваться.



Рано поднялся Тарас на другой день. Вычистил пальто, порывшее от времени и во многих местах заштопанное, начистил сапоги и разбудил внуку. Решил Тарас сходить в часовенку до ранней обедни, пока народу нет, а из часовенки пройти в церковь к обедне.

- Вставай, Наташка, пора!

Девочка вскочила и мигом оделась. Она хотела «Боженьке» помолиться, но дед заметил:

- Перекрестись и будет. В часовенке и в церкви помолишься.

И пошли «старый да малый» в часовенку благодарить за милость Угодника-Батюшку.

Ковылял старик, шла рядом с ним Наташка, любившая ходить вместе с дедушкой.

Вдруг она остановилась и дернула за рукав старика.

- Ай, дедушка! — испуганно воскликнула она.

- Что?!.Что такое?

- Надо вернуться домой. Я копеечки-то не взяла с собою, в кружку-то?



- Эх ты, как же это? Ну, да теперь поздно, опосля положишь, не в этой часовенке, все равно, тут мы свечку поставим.

И пошли дальше.

Миновали они казармы, длинное серое здание, перешли по мосту речку Серебрянку и повернули в Глинковский переулок. И тут увидели они женщину с ребенком на руках. Она сидела на бревне, у ног ее лежал узел и стоял сундучок. Женщина рыдала и в то же время укачивала ребенка, завернутого в одеяло.

Тарас остановился.

- Что с тобой? Зачем ты тут-то?

Женщина вскинула на него глаза, хотела ответить, но рыдания помешали ей.

Она только могла сказать:

- Вы... вы... гнала!
- Да кто же, кто?
- Хозяйка.
- За что?

Насилу добился ответа Тарас. Задолжала женщина за угол, а заплатить нечем. Роды и болезнь на долгое время лишили ее возможности работать. Что было — заложила, пролечила, вот и задолжала хозяйке, а денег нет, два дня сама ничего не ела.

- Что ж, нешто и подождать нельзя?

Но хозяйка не хотела больше ждать.

- Вскочила сегодня рано-ранешенько, накинулась, с ножом к горлу пристала: подавай хоть целковый, а



то все потроха твои на улицу выкину, издыхай с твоей паршивой девчонкой. Ребенка изругала ни за что ни про что, а где я возьму! И выкинула.

Женщина опять заплакала. Тарас возмутился.

- Нешто можно так. Да что она, Бога что ли забыла? Крест на вороту у нее есть, али нет?

Женщина только всхлипывала.

- Это и не по закону, потому нельзя так в студеную осень на холод людей выгонять. Наташка, посиди тутотка, я зайду. Как ее звать-то?

- Степанида Самсоновна, — ответила женщина.

Тарас вошел в низенькую калитку. Он еще не успел заложить щеколду, как на крылечке появилась старуха в зеленом шугае и хриплым голосом крикнула:

- Чего тебе надо?

- Погоди, бабушка, не кричи так, я...

- Какая я тебе бабушка, — обидчиво прервала тем же крикливым голосом старуха, — сам одной ногой в могиле, а туда же — бабушка! Говори, что тебе надо?

Крик старухи смутил робкого и смирного по природе Тараса.

- Ты это как же, бабу-то выставила, а? Стужа такая, а ты вдруг...

- А ты что за радетель? Кто она тебе? Близка, что ли? Коли так, то заплати за нее и разговор короткий, а то проваливай с чужого двора, пока я собаку не спустила.

«Э, да это точно ведьма, — подумал Тарас. — С такой и не сговоришься».

- Да ты подожди — крещеная, чай, целковый не тыщи, отдаст!

- Ждала, да будет. Ты сам-то крещеный ли? может, сам нехристь, а укоряешь.

- Она спустилась с крыльца.

- Уходи, а то сейчас собаку натравлю!

- А бабе так и замерзать на улице?

- Мне что за дело. Уходи, а коли жалостлив больно, давай целковый, и пущай она опять живет. Что, не хочется давать-то? А туда же: «крещеная»!

Озадачился Тарас. Жаль стало ему бабы с ребенком — «ангельчик Божий» — да опять, как же свечу-то? Обещал сколько времени. Господь милостив, потерпит. А нешто Он не терпел? Но как же бабе погибать? Нет, нельзя.

«Завтра же выпрошу, в ногах буду валяться у Силантия, выпрошу рубль и поставлю свечу, а теперь отдам старухе».

Он быстро достал из кармана кошелек, вынул из него рублевую бумажку и подал хозяйке.

— Бери да сейчас пущай бабу.

Старуха теперь, в свою очередь, смутилась. Она взяла деньги и промолвила:

- Знакомая баба, что ли, тебе, али родня?

- Все родные по Христу.

Он вышел на улицу и крикнул:

- Иди, я уплатил.

И как бы боясь, что хозяйка передумает, взял сундучок и внес его во двор. Женщина пошла за ним, настолько пораженная, что только тогда спохватилась поблагодарить, когда он уже собрался уходить.

- Будет тебе, чего ты, — ответил он, когда женщина хотела было упасть ему в ноги. — Я не Бог, чтобы мне кланяться. Пойдем, Наташка.

Пройдя несколько шагов, он промолвил:

- Ну, вот, и без свечки, и без рубля. Хоть бы твои три копейки, Наташка...

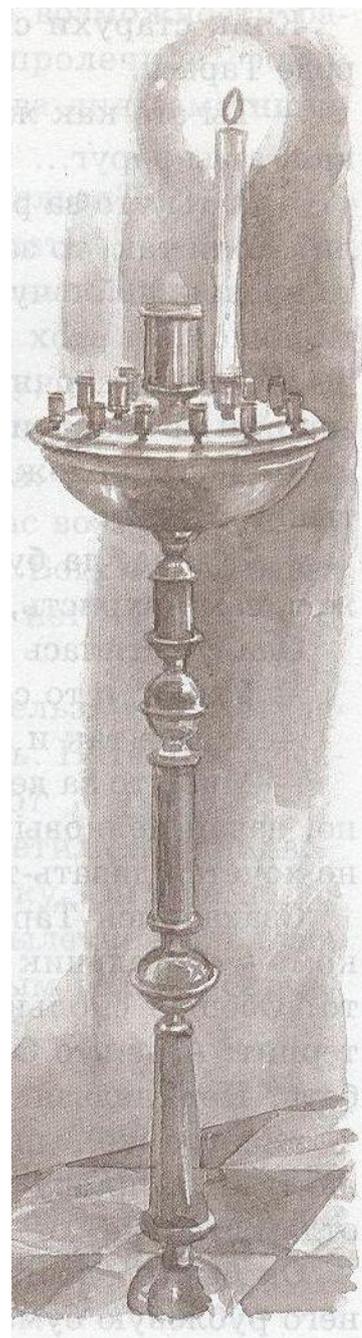
Он остановился. «Идти ли теперь? Идти! Если и без свечки, то хоть помолиться, испросить прощения. Да и то — ведь не пропил».

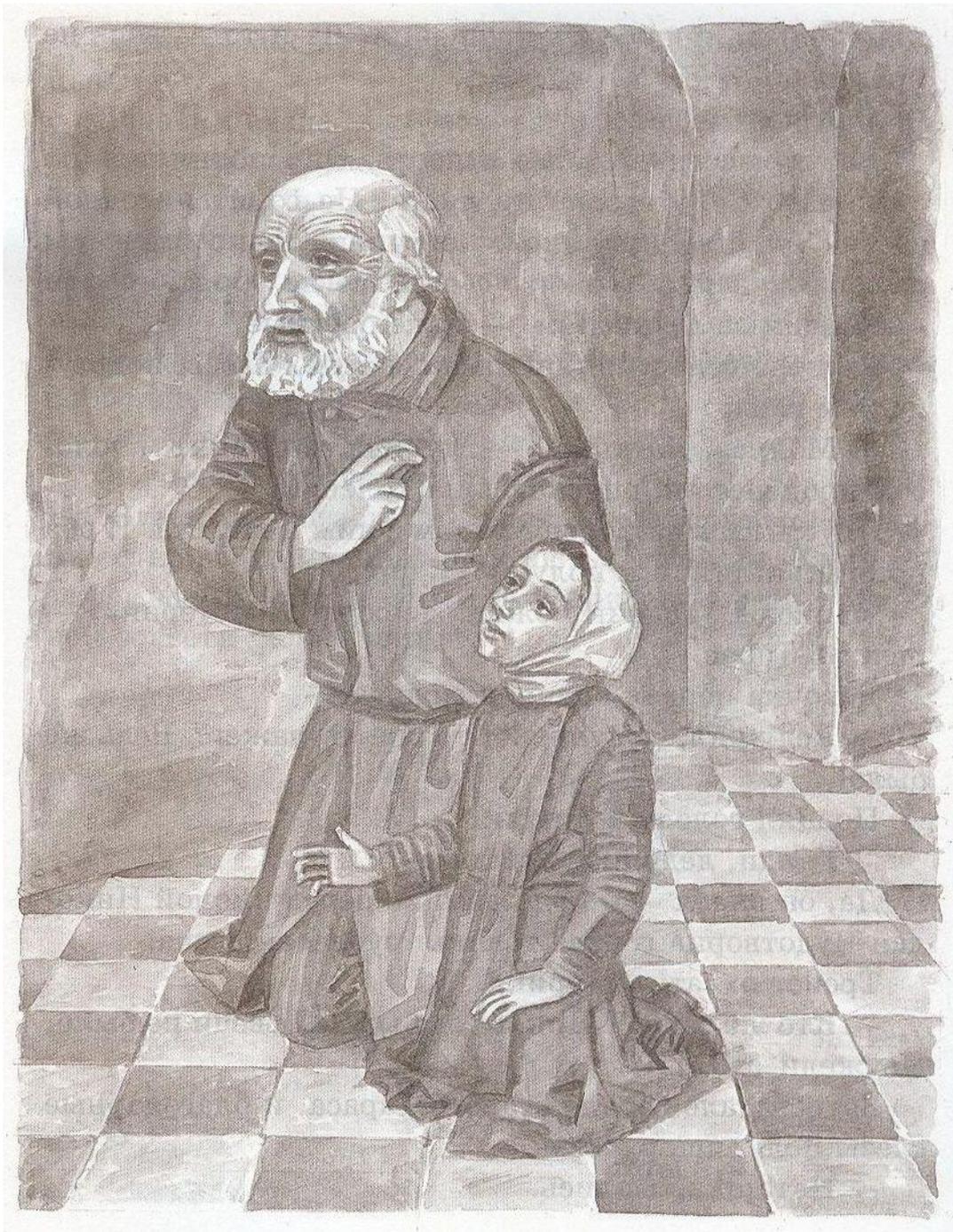
Они пошли далее.

Вот и часовенка. Уже отперта. Они поднялись по ступенькам. В часовне ни души. Не горит ни одной свечи. Значит, еще никого не было. Только зажжены лампадки перед иконой — они всегда горят, — эти «неугасимые лампадки» — тоже обетные.

Грустно стало у старика на сердце. Слезы подступали к горлу.

— Молись, Наташка! — глухим, сдавленным голосом произнес он, опускаясь на колени.





Опустилась на колени рядом с ним и внучка. И оба приникли лицом к полу.

«Никола! Угодник Божий! Не осуди... Потерпи», — шептал Тарас.

Девочка первая подняла голову.

- Дедушка, дедушка! Кто же ее зажег? Ведь не было!

Поднял голову и старик.

- Гляди, дедушка... видишь?

Да, он видел — в подсвечнике перед иконой Николая Чудотворца горела толстая рублевая свеча. Трепет охватил старика.

- Кто же зажег? Никого не было. И свечи не было. Неужели это..?

Затрепетало сердце старого Тараса, и благодарные слезы полились ручьем.

- Наташка, молись.

Захлебываясь от слез, Тарас упал лицом на холодный пол. Девочка сделала то же, но тут же опять подняла голову, чтобы взглянуть на свечу. А свечи не было.

- Дедушка, она погасла... да ее и нет!

Но старик продолжал лежать на полу и что-то шептал.

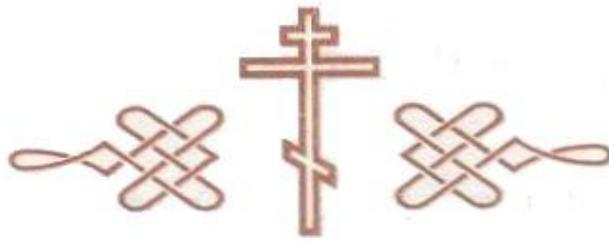
Когда через минуту он поднялся и встал, внучка спросила его:

- Куда же она девалась?

Он ничего не ответил девочке.

«Здесь она погасла, и ее нет, а там горит», — подумал старик, поняв новую милость Угодника, Который зажег «чудесную свечу» для успокоения встревоженной совести человеческой.





## **Тропарь Святителю Николаю, архиепископу Мир Ликийских, Чудотворцу,**

глас 4

Правило веры и образ кротости, воздержания учителя яви  
тя стаду твоему, яже вещей истина; сего ради стяжал еси  
смирением высокая, нищетою богатая, отче  
священноначальниче Николае, моли Христа Бога спастись  
душам нашим.

Кондак, глас 3

В Мирех, святе, священнодействитель показался еси:  
Христово бо, преподобие, Евангелие исполнив, положил еси  
душу твою о людех твоих, и спасл еси неповинныя от смерти;  
сего ради освятился еси, яко великий таинник Божия  
благодати.

## **Молитва Святителю Николаю**

О всесвятый Николае, угодниче преизрядный Господень, тёплый наш заступниче, и везде в скорбех скорый помощниче! Помози ми, грешному и унылому, в настоящем сем житии, умоли Господа Бога даровати ми оставление всех моих грехов, елико согреших от юности моея, во всем житий моём, делом, словом, помышлением и всеми моими чувствы; и во исходе души моея помози ми, окаянному, умоли Господа Бога, всея твари Содетеля, избавити мя воздушных мытарств и вечнаго мучения; да всегда прославляю Отца и Сына и Святаго Духа, и твоё милостивное предстательство, ныне и присно и во веки веков.

Аминь.